

определенные нормы, и к обычному обращению во втором лице большинство польских переводчиков последовательно добавляет слово «*proszę*». Ср. перевод стиха Быт 12:13: *Mów przeto, proszę cię, żeś iest siostra moia: aby mi było dobrze dla ciebie, y dusza moia aby żyła dla ciebie...* (перевод Якуба Вуека), *Mów proszę...* (перевод Симона Будного), *Powiedayże proszę cię iżeś iest siostra moia* (Радзивилловская Библия), *Przeto mów proszę cię, żeś jest siostra moia* (перевод Яна Леополиты). Характерно, однако, что только в издании Симона Будного слово «*proszę*» утрачивает связь с глагольной формой, от которой оно произошло — формой первого лица глагола «*prosić*». В остальных переводах связь его с глаголом остается очевидной. В другом контексте наблюдаем утрату этой связи и превращение слова «*proszę*» в исключительно этикетный элемент (Быт 13:8): *niech proszę nie będzie swaru między mną a tobą* (перевод Симона Будного), *Niech proszę nie będzie swaru między mną a tobą* (перевод Якуба Вуека), *proszę niechay ty poswarki niebędą między mną a między tobą* (Радзивилловская Библия), *Proszę, by nie było swaru między mną y tobą* (перевод Яна Леополиты).

Дополнение текста этикетным элементом «*proszę*» нельзя связывать исключительно с влиянием латинского текста, поскольку зачастую польские переводчики значительно более последовательны в применении этого «смягчающего» элемента просьбы, что указывает на его обязательность в польском речевом этикете XVI в.

В ситуации иерархического неравенства при общении подлежащими и дополнениями в предложении становятся не местоимения первого и второго лица, а существительные «господин» и «слуга, раб», принимающие глагол в третьем лице. Таким образом, все предложение утрачивает черты обращения к кому-либо и вне контекста может быть воспринято не как просьба, например, а как повествовательное предложение, описывающее некую абстрактную ситуацию. Несмотря на то, что для ряда польских переводчиков первоисточником служил латинский текст, что помогало им почти безошибочно расшифровывать подобные контексты, пути прочтения одних и тех же этикетных формул иногда серьезно отличаются в переводах современников (Быт 44:33): *A tak teraz proszę, niechay ia sluga twoy zostanę tobie panu swemu niewolnikiem miasto pacholecía...* (Радзивилловская Библия), *Zostanę tedy slugą twoim za to dziecię na posłudze pana mego...* (перевод Якуба Вуека), *Niechay tedy zostanę niewolnikiem zostanie proszę niewolnik twoy za (tego) młodzieńca niewolnikiem panu memu tobie miasto dziecięcia tego* (перевод Яна Леополиты). Радзивилловская Библия выбирает семантическое дублирование верно воспроизведенной формальной структуры оригинала, Якуб Вуек полностью трансформирует контекст, ориентируясь исключительно на его содержательную составляющую. А Ян Леополита пытается одновременно воплотить сразу два решения: формальное в начале предложения, семантическое — в его конце. Ср. также Быт 44:7: Они же сказали ему: «Зачем господину моему говорить такие слова? Не пристало рабам твоим делать подобное дело», *Ale oni odpowiedzieli mi, czemu pan naszto o nas powieda? Boże uchoway abychmy to sludzy twoi uczynić mieli* (Радзивилловская Библия), *Oni odpowiedzieli: Czemu nam thak mowi pan nasz, by sludzy twogi tak haniebną rzecz mieli zbroić?* (перевод Яна Леополиты), *Którzy odpowiedzieli: Czemu tak mówi pan nasz, żeby sludzy twoi, takiey złości dopuścić się mieli?* (перевод Якуба Вуека), *Y rzekli do niego, przecz mowi pan moy słowa te? Niech to nie będzie u niewolnoku twoich aby co takiego uczynili* (перевод Симона Будного). В этом фрагменте почти все переводчики не прочтывают скрытого за этикетной формулой содержания.

КУМРАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ТЕОДИЦЕИ

Зезюлина Ю. О., Белорусский государственный университет

Важной чертой кумранской идеологии является детерминизм: «Все начертано пред Тобой резцом памяти на все сроки вечности и круговороты отсчета вечных годов со всеми их торжественными днями и не скроются, не устроятся от Твоего лица» IQH I (1: 23—25). В то же время центральная тема кумранских текстов — безвинное страдание учителя праведности. *Каким же образом сочетались в представлении кумранитов страдания праведника и абсолютное подчинение мира воле Бога?* В Гимнах можно усмотреть намек на мессианский образ «раба Божьего» из книги Исаии. Этот образ гонимого Мессии—праведника близок образу Праведного Учителя, каким он предстает в Благодарственных Гимнах.

Но имеется и ряд существенных отличий между этими образами. Миссия Раба Божьего — страданиями искупить вину других (Ис 53: 10 — 11). Он принимает страдание во имя искупления чужих грехов, причем делает это сознательно и добровольно. Исследователи отмечают, что так отчетливо идея страдания невинного праведника во имя искупления грехов других звучит в Ветхом Завете впервые.

В некоторых главах под образом Раба Божьего очевидно понимается весь народ Израиля: «А ныне слушай, Иаков, раб Мой и Израиль, которого Я избрал» (Ис 44:1—С1П).

Второисаия создавал свое произведение накануне завершения Вавилонского пленения. И если его предшественник Исаия сулил народу кару Божью в виде языческих нашествий и изгнания, то этот пророк объявляет, что народ уже искупил свои грехи, и продолжает нести тяжелое бремя страданий и лишений только потому, что это знак особой Божественной избранности. Израильский народ страдает, чтоб своими муками искупить грехи остального человечества. «Но он взял на себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что он был поражаем, наказуем и уничижен Богом» (Ис 53: 4. — С1П).

Второисаия утверждает, что страдание не всегда следствие совершенного греха, а наказание не всегда должно рассматриваться как возмездие. Пророк создает концепцию, согласно которой добровольное страдание праведника есть признак истинного благочестия». Но в награду за это добровольное искупление чужих грехов Бог возвысит свой народ, принесет ему славу и процветание. «И будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих, и узнаешь, что Я Господь, что надеющиеся на Меня не постыдятся» (Ис 49: 23 — С1П).

В Кумранских же Гимнах звучит непоколебимая вера в то, что все враги будут жестоко наказаны за притеснения и гонения Учителя: «И возмездие, назначенное им со всеми ударами, (назначенными) им, ... разделится на всех их потомков по числу поколений вечности и на все вечносущие годы ... и мудростью Твоего знания Ты утвердил их свидетельство, прежде их бытия и согласно... не бывает ничего, и без тебя не творится» IQN I (1: 17—20);. За что же принимает страдания Праведный Учитель? Судя по текстам, он не видит своей миссией искупление чужих грехов, о прегрешениях его предков тоже в текстах не упоминается.

В Гимнах дается такой ответ на вопрос теодицеи: «С Твоего (изволения) они нападают на мою душу ради проявления Твоей славы через суд над нечестивыми и чтоб на мне проявить (Твое) величие в отношении сынов Адама» IQN II (3:23—25). Итак страдания Праведного Учителя необходимы для того, чтоб Бог имел возможность продемонстрировать миру свою справедливость, послав гонителям заслуженную кару, а праведнику—милость. Но в этом ли состоит весь смысл страданий Учителя?

Извечной проблеме страданий невинного уделяется в еврейской культуре большое внимание. Она получила детальное рассмотрение в Книге Иова. Иов не желает покоряться он бросает Богу вызов, призывая Его к ответу. И к какому же выводу подводит читателя Книга Иова? Страдания необходимы человеку, чтоб у него открылся «внутренний слух», чтоб он получил возможность постичь Божественное откровение. «Между Говорящим — Божьим Словом—Логосом и слышащим — человеком стоит множество стен. Если они не устраняются размышлением, покорностью, исполнением заповедей, то чем остается их сокрушить? Страданием» — подводит итог Д. В. Щедровицкий.

Праведный Учитель в Гимнах неоднократно благодарит Бога за то, что Тот позволил ему приблизиться к высшему знанию: «Это все я узнал от Твоего разума, ибо Ты открыл мой слух дивным тайнам» IQN I (1: 21). «Ты могуч превыше всякого описания, ведь Ты научил меня Твоим чудным тайнам. Своим сокровенным чудом Ты проявил величие Твое на мне и выказал чудеса пред многими ради славы Твоей и дабы возвестить всем живым Твое могущество» IQN IV (8:27—29). Итак, члены Кумранской общины сочтали представление о полном подчинении происходящего в мире Божественной воле с образом гонимого Праведного Учителя. Этот образ в чем-то близок месснианскому образу «раба Божьего» из книги Исаии, но у них различные миссии. «Раб Божий» своими страданиями искупает чужую вину. Страдания Праведного Учителя необходимы для того, чтоб через покарание его гонителей Бог мог продемонстрировать миру свое могущество. Возможно, кумраниты придерживались концепции постижения Божественных тайн посредством принятия страдания. В таком случае становится понятной, почему тема страданий Праведного Учителя занимает такое важное место в Кумранских текстах.